

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

*Ответственный редактор
М.Ф. Румянцева*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2015

УДК 930
ББК 63.2
И91

Ответственный редактор
М.Ф. Румянцева

Рецензенты:
академик РАН, доктор исторических наук,
ординарный профессор НИУ ВШЭ *А.Б. Давидсон*,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор *С.М. Каштанов*

Коллектив авторов:
И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко,
М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская

И91 **Источниковедение** [Текст] : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685, [3] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1092-6 (в пер.).

В учебном пособии системно представлено источниковедение в качестве научной дисциплины и метода научного познания. В основе концепции учебного пособия — актуальный статус источниковедения как строгой науки, понимание исторического источника как объективированного результата деятельности человека / продукта культуры и трансформации объекта источниковедения от исторического источника через видовую систему корпуса исторических источников к эмпирической реальности исторического мира. Специальное внимание уделяется мировоззренческим и эпистемологическим основаниям источниковедения, его теории и методу. Принципиальная новизна учебного пособия состоит в том, что впервые четко разделены три составляющие современного источниковедения. В первом разделе источниковедение представлено как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания. Во втором разделе источниковедение позиционируется как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе. В третьем разделе источниковедение рассматривается как инструмент исторического исследования.

Для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета, и магистрантов гуманитарных направлений, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

УДК 930
ББК 63.2

ISBN 978-5-7598-1092-6

© Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф., Хоруженко О.И., Швейковская Е.Н., 2015
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ДИСЦИПЛИНА	
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
<i>Часть I. История источниковедения</i>	17
Прембула. Два подхода к истории науки	18
Глава 1. Источниковедение в классической модели науки	20
1.1. Становление источниковедения	20
1.2. Позитивистская парадигма источниковедения	25
Глава 2. Источниковедение в неклассической модели науки	42
2.1. Русская версия неокантианства	42
2.2. Принцип признания чужой одушевленности	46
2.3. Объект познания в русской версии неокантианства	54
2.4. Концепция источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского	57
Глава 3. Источниковедение в XX веке	77
3.1. Наука об исторических источниках в европейском историческом знании. Критика позитивизма	77
3.2. Источниковедение в СССР	84
<i>Часть II. Теория источниковедения</i>	89
Глава 1. Исторический источник — определение понятия	90
1.1. Два подхода к определению понятия «исторический источник»	90
1.2. Мировоззренческие и этические различия двух типов определений понятия «исторический источник»	94
1.3. Методологические следствия двух типов определений понятия «исторический источник»	98
Глава 2. Классификация исторических источников	99
2.1. Типы исторических источников	100
2.2. Письменные исторические источники в историческом познании	105
2.3. Вид исторических источников — основная классификационная единица источниковедения	109

Глава 3. Объект источниковедения: исторический источник — система видов исторических источников — эмпирическая реальность исторического мира	113
3.1. Система видов исторических источников как проекция культуры	113
3.2. Эмпирическая реальность исторического мира — глобальный объект гуманитаристики	117

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

<i>Часть I. Корпус источников российской истории</i>	125
Глава 1. Источники российской истории XI–XVII веков	126
1.1. Летописание	126
1.2. Законодательные источники	157
1.3. Акты	172
1.4. Материалы государственного и вотчинного учета	185
1.5. Литературные произведения	193
Глава 2. Источники российской истории XVIII — начала XX века	216
2.1. Общие свойства исторических источников Нового времени ..	216
2.2. Массовые источники	223
2.3. Законодательство	227
2.4. Акты	272
2.5. Делопроизводственные материалы	279
2.6. Материалы фискального, административного и хозяйственного учета	293
2.7. Статистика	311
2.8. Публицистика	331
2.9. Периодическая печать	334
2.10. Источники личного происхождения	348
Глава 3. Источники российской истории XX века	372
3.1. Общая характеристика источников Новейшего времени	372
3.2. Законодательство советского периода	377
3.3. Делопроизводственные материалы и статистика советского периода	397
3.4. Периодическая печать, публицистика и художественная литература советского периода	416
3.5. Источники личного происхождения в XX веке	450

Часть II. Компаративное источниковедение как метод сравнительно-исторического исследования	463
Глава 1. Сравнительно-историческое исследование: постановка проблемы	464
1.1. Сравнение как способ познания	464
1.2. Сравнительно-историческое исследование	466
Глава 2. Сравнительный метод в исторических теориях XVIII–XX веков	472
2.1. Метод аналогий в концепции И.Ф. Шиллера	472
2.2. Формационная модель как основание метода сравнительно-исторических исследований	475
2.3. Метод сравнения в структуре цивилизационных теорий исторического процесса	478
Глава 3. Компаративное источниковедение: апробация метода	481
3.1. Россия и Западная Европа в Новое время как объекты сравнительно-исторического исследования	481
3.2. Проблема перехода от Средних веков к Новому времени: источниковедческий критерий периодизации	483
3.3. Изменения в корпусе исторических источников при переходе от Нового времени к Новейшему	485
3.4. Изменения типологии корпуса исторических источников	487
3.5. Сравнительный анализ видов исторических источников	488
Часть III. Источниковедение историографии	505
Глава 1. Предметное поле источниковедения историографии	506
1.1. Понятийный аппарат источниковедения историографии	507
1.2. Структура историографического процесса и систематизация произведений историков в работах по истории истории	509
1.3. Формирование предметного поля источниковедения историографии во второй половине XX — начале XXI века	520
Глава 2. Классификация историографических источников	525
2.1. Научный и социально ориентированный типы исторического знания	525
2.2. Система видов историографических источников научной истории	529
2.3. Система видов историографических источников социально ориентированного историописания	544

**РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Часть I. Источниковедческое исследование</i>	563
Глава 1. Источниковедческий анализ и синтез	564
1.1. Этапы и процедуры источниковедческого анализа	565
1.2. Критика понятия «критика исторического источника»	588
1.3. Источниковедческий синтез	588
Глава 2. Источниковедческий подход к изучению историографических источников	592
2.1. Структура источниковедческого анализа историографических источников	592
2.2. Анализ происхождения историографического источника	593
2.3. Анализ содержания историографического источника	595
2.4. Процедура деконструкции историографического источника	597
Глава 3. Источниковая база исторического исследования	610
3.1. Рефлексия источниковой базы как атрибут научного исследования	610
3.2. Формирование источниковой базы исследования и обоснование ее репрезентативности	612
3.3. Характеристика источниковой базы исследования	614
 <i>Часть II. Исторический источник в эдиционных практиках</i> ..	617
Глава 1. Бытование источников в рукописной и книгопечатной традициях	620
Глава 2. Развитие научных подходов к публикации источников	622
Вместо заключения	629
Источники и литература	631
Сведения об авторах	686

ВВЕДЕНИЕ

Что такое источниковедение

Источниковедение (нем. Quellenkunde, англ. source study) — гуманитарная дисциплина, *объект* которой — исторические источники, т.е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры — эмпирическая реальность исторического мира, а *предмет* — изучение исторического источника как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование в науке и иных социальных практиках информации о человеке и обществе в их исторической составляющей.

Источниковедение выросло из практической потребности установления подлинности и достоверности документов. Научное историческое источниковедение прошло сложный путь становления и развития в качестве дисциплины исторической науки. На каждом из этапов этого пути прирастали функции источниковедения, усложнялись его задачи и, главное, менялись статус и место источниковедения в системе научного исторического знания.

В течение XX в. источниковедение приобретает статус научной дисциплины. Современное состояние источниковедения определяется трансформацией нововременной науки, отличавшейся строгим дисциплинарным делением, в новый тип знания, преимущественно гуманитарного и синтетического характера. В новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, сложившейся главным образом в последней трети XX — начале XXI в., источниковедение выступает как интегрирующее начало гуманитаристики, поскольку его предмет — исторический источник, понимаемый как культурный феномен, как продукт творчества человека и социума в широком смысле, — выступает одновременно как объект исследования других гуманитарных и социальных наук. Современное источниковедение принципиально полидисциплинарно, оно обращается ко всей совокупности произведений культуры с целью понимания Другого (человека, социума, культуры), расширения на этой основе опыта собственной культуры, обогащения мировосприятия.

Выступая как интегрирующее начало гуманитарного знания, предоставляя универсальный метод обращения к произведениям человека / продуктам культуры для любых гуманитарных и социальных наук, источниковедение в то же время сохраняет связи со вспомогательными историческими дисциплинами, становление и развитие которых было обусловлено необходимостью специального изучения отдельных аспектов исторических источников

(например, палеография исследует внешние признаки памятников письменности, историческая хронология — содержащиеся в них датировки, метрология — упоминаемые меры) или особых групп исторических источников (сфрагистика изучает печати, геральдика — гербы, фалеристика — знаки отличия, награды, вексиллология — знамена) с целью установления подлинности, датировки, определения авторства исторических источников.

Зачем человеку источниковедение

По логике вещей с ответа на этот вопрос и надо было бы начать. Ибо вопрос «Зачем?» весьма существен как в науке, так и в жизни. Своевременный ответ на него зачастую позволяет сэкономить массу сил и времени. Но не могли же мы рассуждать о том, *зачем изучать*, до того как хотя бы предварительно выяснили, *что изучать*.

Исходя из простой житейской мысли и собственного научного и жизненного опыта, авторы советуют вам до начала изучения дисциплины если не ответить на вопрос «Зачем мне это надо?», то хотя бы выяснить, для чего это может вам пригодиться.

Впрочем, в такой постановке вопроса есть некоторое лукавство, поскольку ответ на этот вопрос предполагает позиционирование себя по отношению к различным сообществам. Человек в силу своей социальной природы всегда волей-неволей (осознанно или неосознанно) соотносит себя с каким-либо социумом. Поэтому поставленный вопрос трансформируем так: «Каким образом социум востребует источниковедческое знание?»

Выделим две составляющие интереса к источниковедению — общечеловеческую/общекультурную и собственно научную / профессиональную. В каждой из них можно, в свою очередь, выделить два уровня.

Общекультурная составляющая. На первом уровне освоения источниковедения вырабатывается небесполезное умение оценивать информацию, в том числе и в обыденных житейских ситуациях, с целью принятия адекватных решений. Но гораздо важнее второй уровень — выработка умения понимать человека другой культуры, Другого — в широком, философском смысле, обращаясь к созданным этим Другим вещам — продуктам его творчества, произведениям иной культуры, выступающим в системе исторического знания в качестве исторических источников. Таким образом, источниковедческий подход может и должен стать основанием толерантного отношения к Другому, что представляет собой неперемнное требование современной этики.

Профессиональная составляющая. На аксиоматическом уровне понятно, что источниковедение — основа профессионализма историка-исследователя. Однако и здесь можно и нужно выделить два уровня освоения источниковедения, хотя, на первый взгляд, профессионализм — это такая категория, которая либо присутствует, либо, увы, отсутствует. Но современное научное сообщество, вернее научные сообщества, сильно дифференцировано, в том числе

и по уровню профессионализма. Поэтому на первом уровне историк, точнее человек, обладающий дипломом историка, обязан уметь конструировать исторические факты путем строгой научной процедуры — источниковедческого анализа. Для описания более высокого уровня профессионализма прибегнем к словам русского историка-методолога Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919):

Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, черпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии. С такой точки зрения историк, в сущности, приступает и к изучению различных видов источников: он пытается установить, например, остатки какого именно факта или предание о каком именно факте заключаются в данном источнике, что и становится возможным лишь при надлежащем его понимании¹.

Профессиональный историк должен не только уметь добывать факты путем «критики исторических источников» (об этом по-прежнему любимом многими историками понятии речь пойдет далее), но и понимать природу полученного нового знания и осуществлять рефлекссию собственного исследовательского процесса.

Принципы построения учебного пособия и его структура

Нечеткость терминологии исторического/гуманитарного знания заставляет определять используемые понятия. При этом авторы не претендуют на окончательное определение вводимых понятий, а лишь стремятся к терминологической определенности в рамках настоящего учебного пособия.

В основе учебного пособия — два принципа.

Первый: единства истории и теории. Современное состояние источниковедения — в определенной степени результат его истории. Авторы понимают это весьма тривиальное утверждение не в кумулятивном смысле (как по сию пору часто происходит в истории науки — эта позиция разъясняется в начале первого раздела учебного пособия), но акцентируют внимание на том, что в современном источниковедении присутствуют составляющие, сформировавшиеся в разное время, и надо научиться их опознавать.

Наиболее продуктивно, на наш взгляд, осмысление истории источниковедения в соотношении с разработанными в философии науки классическим,

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 64.

неклассическим, постнеклассическим и неоклассическим типами рациональности (и соответствующими моделями науки). Это задача непростая и нетривиальная, поскольку проблематика философии науки разработана в основном применительно к физике и естественным наукам.

Второй: четкое разделение трех составляющих современного источниковедения:

- источниковедение как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания;
- источниковедение как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе;
- источниковедение как один из инструментов исторического исследования.

Синтез этих двух принципов позволяет предложить концепцию развития и актуального состояния источниковедения, общая схема которой зафиксирована в структуре учебного пособия, где каждой из составляющих посвящен отдельный раздел.

Источниковедение как составляющая исторического метода формируется в рамках классической модели науки, предполагающей в результате изучения (так называемой критики) исторического источника получение исторического факта, который используется далее в практиках историописания, будучи инвариантным по отношению к ним. Такая модель уже давно не соответствует современным эпистемологическим и социокультурным реалиям. Поэтому данная, вспомогательная, функция источниковедения, сохраняясь, модифицируется с учетом требований неклассической, постнеклассической и неоклассической науки. В частности, место «критики» исторических источников с целью получения так называемых достоверных фактов, верифицируемых через соответствие «объективной реальности» и понимаемых как инвариантный элемент («кирпичик») исторического построения, занимает источниковедческий анализ, системообразующее значение в котором имеет процедура интерпретации, цель которой — понимание Другого, т.е. автора исторического источника. Поскольку источниковедческий анализ должен быть эпистемологически фундирован, то он рассматривается в третьем, заключительном, разделе учебного пособия вместе с вопросами формирования источниковой основы исследования и методиками введения исторических источников в научный оборот и социальные практики (археографией).

Обретение источниковедением статуса дисциплины связано в первую очередь с рефлексией объекта. На рубеже XIX–XX вв. в русской версии неокантианства была поставлена проблема исторического источника как специфического объекта источниковедения. Отталкиваясь от сформированного в русской версии неокантианства понимания исторического источника как объективированного результата деятельности человека, исследователи, развивавшие эту концепцию, пришли к утверждению в качестве объекта источ-

никоведения системы видов исторических источников, презентующих соответствующую культуру¹. Обоснование понятия «эмпирическая реальность исторического мира»² как не только эпистемологического, но и, по сути, онтологического позволило закрепить статус источниковедения как самостоятельной научной дисциплины в системе и исторического, и гуманитарного знания в целом. Понятие объекта и связанная с ним проблема классификации рассматриваются в первом разделе учебного пособия.

Новое понимание объекта источниковедения позволило конституировать изучение видовых систем исторических источников как самостоятельный метод изучения различных социокультурных общностей. Второй раздел учебного пособия содержит апробацию метода и презентует систему видов источников российской истории как проекцию российской культуры. Рассмотрение корпуса источников российской истории позволяет понять, каким образом метод источниковедения используется при работе с конкретным материалом, как формируются видовые методы, учитывающие особенности различных исторических источников. Изучение источников именно российской истории дает авторам возможность опираться на богатые традиции и достижения российской источниковедческой культуры и преподавания источниковедения как особой дисциплины. При этом историку, изучающему историю иной страны (культуры, этноса, региона и т.п.), предоставляется разработанная модель подхода к целостной совокупности исторических источников. В этом же разделе представлены *компаративное источниковедение* как метод сравнительно-исторического исследования и *источниковедение историографии* как приложение метода источниковедения к изучению истории истории (истории исторического знания и истории исторической науки).

Итак, общая схема развития источниковедения выглядит таким образом.

Классическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — критика исторического источника с целью получения достоверных фактов, понимаемых как часть реальности прошлого.

Цель изучения в образовательной системе профессиональной подготовки историка — овладение навыком критического отношения к информации исторического источника в исследовательских практиках.

Неклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — диалог историка с автором исторического источника с целью интерпретации его содержания

¹ Эта концепция зафиксирована в предыдущем нашем учебном пособии: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998 [переизд. 2000, 2004].

² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

на основе принципа «признания чужой одушевленности» и осмысления механизма порождения исторического источника в определенной культуре.

Цель изучения — выявление феноменологической природы исторического источника, осознание конструирующей роли познающего субъекта в контексте понимания механизмов познания.

Постнеклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — в условиях постмодернистских деконструкций предложить способ социального конструирования реальности методом источниковедения на основе понимания объекта источниковедения как системы видов исторических источников, презентирующих ту или иную культуру.

Цель изучения — конструирование исторического целого на основе метода источниковедения.

(Однако отметим, что эта часть предлагаемой конструкции наиболее спорная. Здесь скорее стоит вести речь об интертекстуальности и отчасти оппозировании этому подходу со стороны феноменологической источниковедческой концепции исторического познания, принадлежащей неоклассической модели науки.)

Неоклассическая модель науки

Функция источниковедения в историческом познании — формирование эпистемологических оснований истории как строгой науки на основе понимания его объекта — эмпирической реальности исторического мира как онтологической категории.

Цель изучения — понимание источниковедения как когнитивной науки и формирование строгих стандартов научности в историческом познании на основе понятия «эмпирическая реальность исторического мира» как онтологической категории.

Мы оставили за пределами рассмотрения философские дискуссии о соотношении постнеклассической и неоклассической рациональности. Зафиксируем для дальнейшего анализа свое видение проблемы: если первые три типа рациональности сменяют друг друга, то неоклассическая рациональность формируется параллельно с неклассической и актуализируется в условиях преобладания постнеклассической, находясь в постоянном поиске новых эпистемологических оснований строгого научного знания. Именно поэтому она не сменяет постнеклассическую рациональность, а предлагает свое видение научного познания, во многом противостоящее постмодернистской эпистемологической анархии.

Очевидно, что выделенная выше логическая структура источниковедения, по принципу которой организован материал учебного пособия, не соответствует исторической последовательности, т.е. последовательности возникно-

вения разных составляющих дисциплины. Причина этого, как уже отмечалось, — необходимость теоретического фундирования на уровне актуального научного знания как применения источниковедческого метода в историческом познании, так и процедур источниковедческого анализа, сохраняющих в исследовательской практике инструментальный характер.

Такая структура учебного пособия обуславливает его принципиальную новизну и соответствие актуальному пониманию статуса источниковедения в системе научного знания.

Помня об обещании прояснять используемые понятия, авторы должны подчеркнуть, что строго различают понятия «современный», т.е. наличествующий в существующем здесь и сейчас историческом знании, и «актуальный», т.е. адекватно отвечающий потребностям этого знания и, соответственно, удовлетворяющий потребности современного социума.

Необходимое предуведомление

Прежде чем приступить к системному изложению источниковедения как научной дисциплины и как системообразующего начала гуманитарного знания, авторы считают необходимым сделать одно предуведомление, но адресуя его только тем, кто намерен освоить источниковедение на высоком уровне профессионализма.

Рефлексивный уровень освоения знания — особенно теоретического, а теоретическая составляющая источниковедения весьма существенна, — предполагает не только обогащение памяти, но и образование, понимаемое как образование личности в прямом смысле, т.е. работу над своей личностью и углубленную саморефлексию. Авторам чрезвычайно близка формула Ж.-П. Сартра: «Понять — значит измениться, превзойти самого себя...»

Если вы готовы меняться, то давайте осваивать и присваивать источниковедение вместе. Если не готовы, то пусть источниковедение останется для вас помощником в удовлетворении вашего интереса к истории и даст некоторую пищу вашей эрудиции.

Данилевский Игорь Николаевич (раздел 2, часть 1, глава 1); *Добровольский Дмитрий Анатольевич* (раздел 2, часть 1, глава 3); *Казачков Роман Борисович* (источники и литература); *Маловичко Сергей Иванович* (раздел 2, часть 3; раздел 3, часть 1, глава 2); *Румянцева Марина Федоровна* (введение; раздел 1; раздел 2, часть 1, глава 2; раздел 2, часть 2; раздел 3, часть 1, главы 1, 3; вместо заключения); *Хоруженко Олег Игоревич* (раздел 3, часть 3), *Швейковская Елена Николаевна* (раздел 2, часть 1, глава 1, параграф 4).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
КАК ДИСЦИПЛИНА
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЧАСТЬ I

**ИСТОРИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

ПРЕАМБУЛА

ДВА ПОДХОДА К ИСТОРИИ НАУКИ

Историки традиционно проявляют интерес к истории исторического знания. Дань внимания работам предшественников неизменно отдается в историографическом анализе, являющемся обязательной составляющей введения к любой квалификационной работе. С рассмотрения предшествующей историографии начинаются и иные научные исследования историков. В конце XIX в. оформляется историография, сначала как вспомогательная историческая дисциплина, а затем и в качестве самостоятельной дисциплины исторической науки. Но в чем смысл историографического анализа? Подробный ответ на этот вопрос явно выходит за дисциплинарные рамки источниковедения, поэтому здесь мы лишь кратко проясним свою позицию — определим соотношение истории и теории источниковедения.

К истории науки, и источниковедения в том числе, можно подходить двумя принципиально разными способами, кардинально различающимися по целеполаганию. Один из них, по-прежнему наиболее распространенный, имеет в своей основе кумулятивную модель развития науки. Исследователи, придерживающиеся этой модели, полагают, что наука развивается путем накопления и уточнения знаний; по мере развития науки наши знания становятся все более обширными и все более точными, т.е. они все более и более полно и безошибочно описывают так называемую объективную реальность. Эта модель предполагает аксиоматичную веру в а) существование так называемой объективной, т.е. не зависящей от познающего субъекта, реальности и б) ее познаваемость в качестве таковой. При таком подходе цель изучения истории науки — показать этот путь и представить современное состояние науки как результат ее предшествующего развития.

Этот подход исчерпал себя уже к середине XX в., когда утвердились иные представления о механизме трансформаций научного знания. Маркировал новую познавательную ситуацию выход книги американского историка и философа науки Томаса Куна (1922–1996) «Структура научных революций» (1962), в которой обоснован парадигмальный характер науки. Основное понятие нового подхода — парадигма, т.е. базовая теория, разделяемая научным сообществом и служащая основанием постановки исследовательских проблем. Смена парадигм происходит скачкообразно, путем научных революций, и зависит не столько от «накопления» знаний, сколько от непредсказуемых фундаментальных научных открытий и взаимодействия с изменениями социокультурных ситуаций.

Разделяя представление о парадигмальном характере науки и, соответственно, не принимая кумулятивную ее модель, авторы исходят из того, что со времени первых опытов критического отношения к историческим источникам в раннее Новое время сменилось несколько социокультурных эпох. Следовательно, уместно и целесообразно поставить вопрос о статусе и месте источниковедческих штудий в каждую из них. Такой подход к тому же позволяет обнаружить в современном (т.е. существующем в наше время, но не всегда отвечающем актуальным потребностям науки и социальной практики) источниковедении элементы, унаследованные от более ранних парадигм, и выявить степень их адекватности актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации.

В первой части настоящего раздела обозначены источниковедческие парадигмы, соответствующие разным, сменяющим друг друга, типам рациональности и моделями науки: классическому, неклассическому, постнеклассическому и неоклассическому. Этой цели соответствует и подбор анализируемого историографического материала, хотя, конечно же, история источниковедения гораздо разнообразнее и богаче, чем предлагаемая нами схема.

Приступая к рассмотрению истории источниковедения, важно отчетливо понимать, что она представляет собой исследовательский конструкт. Источниковедение как самостоятельная дисциплина сформировалось лишь в XX в. (и в полной мере — только в специфическом советском контексте). Историки XVIII–XIX вв. рассматривали вопросы исследования исторических источников в связи с изучением истории как таковой и чаще всего приводили источниковедческие наблюдения во вводной части своих трудов, а также посвящали специальные работы изучению отдельных памятников или групп исторических источников. На рубеже XIX–XX вв. историки, разрабатывавшие проблемы природы исторического источника и методов его изучения, делали это в контексте методологии истории, уделяя источниковедческой проблематике — пониманию природы исторического источника, вопросам классификации, критики и интерпретации исторических источников — более или менее существенное место в ее структуре. Таким образом, источниковедческая проблематика вычленяется нами из исторических исследований и трудов по методологии истории аналитически, с точки зрения наших исследовательских задач. В историческом обзоре рассматриваются преимущественно методологические работы, поскольку они концентрированно представляют видение историками проблем изучения исторических источников и обобщают опыт источниковедческих исследований.

1

глава

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУКИ

1.1

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Научное историческое источниковедение возникло в связи со становлением научного исторического знания в Европе в Новое время, в рамках европейского рационализма. Преследуя цель обеспечения достоверности исторических фактов, как это требовалось от исторической науки того времени, историки не могли обойтись без критического анализа исторических источников. Как писал лорд Болингброк (1678–1751) в «Письмах об изучении и пользе истории» (1752¹), «критика отделяет руду от породы и извлекает из различных авторов всю историческую правду, которая лишь частично могла быть найдена у каждого из них в отдельности; критика убеждает нас в своей правоте, когда она основывается на здравом смысле и излагается беспристрастно»². Подчеркнем, что в XVIII в. критика исторических источников осуществлялась исключительно на основе здравого смысла историка.

В российской науке интерес к историческим источникам, их классификации, оценке достоверности проявляется в исторических трудах середины — второй половины XVIII в. В.Н. Татищев (1686–1750) в «Истории Российской с самых древнейших времен» (1768–1784) провел систематизацию использованных исторических источников. Г.Ф. Миллер (1705–1783) («История Сибири», 1743–1750), М.М. Щербатов (1733–1790) («История Российская от древнейших времен», Т. 1–7, 1770–1791), И.Н. Болтин (1735–1792) («Критические примечания на первый том “Истории” князя Щербатова», 1793; «Критические

¹ Здесь и далее (за исключением специально оговоренных случаев) указывается дата первой публикации.

² Болингброк [Г. С.-Дж.]. Письма об изучении и пользе истории: пер. с англ. М., 1978. С. 49.

примечания на второй том «Истории» князя Щербатова», 1794) практически поставили проблемы различения исторических источников и исторических исследований, критического отношения к достоверности сведений, содержащихся в исторических источниках. Наибольший вклад в формирование методов изучения исторических источников внес А.Л. Шлёцер (1735–1809): в работе «Опыт изучения русской летописи»¹ (1768) он ввел обобщающее понятие «*источники русской истории*», сформулировал принципы и развернул программу изучения древнейшей, Несторовой, летописи. Итогом грандиозного исследования стал трехтомный труд «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» (в неполном русском переводе опубликован в 1809–1819 гг.). Шлёцер последовательно отказался от использования летописных сведений без предварительного анализа достоверности, но критерием достоверности, вполне в духе XVIII в., служил здравый смысл историка.

Понятие «*источник*» без придания ему строгого терминологического смысла использовали Н.М. Карамзин (1766–1826), Н.А. Полевой (1796–1846) и другие. Историками первой половины XIX в. предлагались различные классификации (систематизации) исторических источников, имеющие преимущественно прагматическую направленность и подчиненные целям исторических исследований. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» (1816–1829) впервые специальным разделом дал обзор источников российской истории до XVII в., выделив 14 групп: летописи, Степенная книга, хронографы, жития святых, «особенные дееписания», разряды, Родословная книга, каталоги митрополитов и епископов, послания святителей, «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы», грамоты, статейные списки, «иностранные современные летописи», «государственные бумаги иностранных архивов». Н.А. Полевой провел первую систематизацию всей совокупности известных источников российской истории: «летописи или временники», «памятники дипломатические», «памятники палеографические», «памятники археографические», «памятники географические», «предания, сказки, песни, пословицы» («История русского народа», 1829).

Источниковедение как неотъемлемая составляющая исторического метода оформляется в 1830–1840-е годы в Германии. Большое значение в этом процессе имеет профессионализация исторической науки. В 1810 г. открывается Берлинский университет, в котором история позиционируется как строгая академическая дисциплина. Ведущая роль в постановке преподавания истории в Берлинском университете принадлежит филологу и историку Греции Августу Бёку (1785–1867) и особенно историку Рима Бартольду Георгу Нибуру (1776–1831). С их именами связано утверждение научного метода изучения источников — метода филологической критики. Объясняя устойчивость

¹ Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen; Göttingen, 1768. Шлёцер писал и публиковал свои труды на немецком языке.

исторической науки по отношению к позитивизму, Р.Дж. Коллингвуд (1889–1943) в «Идее истории» (1946) так описывает этот метод:

Историки начала и середины девятнадцатого столетия разработали метод изучения источников — метод филологической критики. Он в сущности включал в себя две операции, во-первых, анализ источников (которые все еще оставались литературными или повествовательными), разложение их на составные части, выявление в них более ранних и более поздних элементов, позволяющее историку различать более или менее достоверное в них; во-вторых, имманентная критика даже наиболее достоверных их частей, показывающая, как точка зрения автора повлияла на его изложение фактов, что позволяло историку учесть возникшие при этом искажения. Классический пример этого метода — анализ сочинения Ливия, сделанный Нибуром, который доказал, что большая часть того, что обычно принимали за раннюю историю Рима, на самом деле является патриотической выдумкой, относящейся к значительно более позднему периоду; самые же ранние пласты римской истории у Ливия, по Нибуру, — не изложение истинных фактов, а нечто, аналогичное балладной литературе, национальному эпосу <...> древнеримского народа. За этим эпосом Нибур обнаружил исторически реальный Рим, представлявший собой общество крестьян-фермеров. Мне нет необходимости проследивать историю этого метода, восходящего через Гердера к Вико. Важно только отметить, что к середине девятнадцатого века он стал прочным достоянием всех серьезных историков, по крайней мере в Германии¹.

Наибольшее воздействие на утверждение метода филологической критики оказал профессор Берлинского университета Леопольд фон Ранке (1795–1886), применивший метод Нибура к источникам европейской истории Нового времени.

В 1826 г. Обществом по изучению ранней германской истории начата реализация грандиозного проекта — издания *Monumenta Germaniae Historica* («Памятники истории Германии»), фактически сыгравшего роль объединителя германской нации.

Немецкий историк-методолог Э. Бернгейм (1850–1942) в конце XIX в. обосновывает развитие метода исторической науки и расширение ее источниковой базы трансформацией целей исторической науки, «развитием общего мировоззрения», становлением «генетического понимания истории» и характеризует вышеописанный этап становления науки об исторических источниках следующим образом:

Теперь не могли более довольствоваться сведениями, почерпнутыми из общений историков, некоторыми видами первоисточников, которым отдавали предпочтение, и памятниками; все шире захватывали новые области,

¹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*: пер. с англ. М., 1980. С. 125–126.

могущие каким-либо образом служить в качестве исторического источника, а соответственно этому расширялась все более и наука об источниках.

Одновременно с этим стали точнее разбираться в своеобразных различиях источников, соответственно их значению для познания. Если прежде исследователи работали с тем материалом, который был под рукой, то теперь возникла потребность использовать по возможности весь материал и создать поэтому систематические собрания и издания на основании широких изысканий в архивах и библиотеках <...>.

Прежде всего возникла тогда потребность в исторической критике; потребность точно установить факты на основании полного знания и подробнейшей оценки материала, освободив их от различных неточностей и извращений, явившихся результатом передачи. Это столь очевидная потребность создала новейший критический метод, а вместе с тем и полное преобразование исторического исследования. Только теперь в ответ на показания историков стали последовательно задавать вопросы, насколько он заслуживает доверия по своей оригинальности, осведомленности и беспристрастности <...>.

Сознательное возникновение этого нового критического метода относится к появлению в 1811–1813 гг. первых томов римской истории Георга Нибура с предисловием и первого тома «Истории романских и германских народов с 1494 по 1535 г.» Леопольда Ранке, вышедшего в 1824 г. с приложением «Критики новых историков». Кружок историков, окружавших Ранке как учителя и участвовавших в издании *Monumenta Germaniae historica* <...>, — Георг Вайц, Вильгельм Гизебрехт, Генрих Зибель, Иог. Густав Дройзен и др. — а равно и их ученики своими исследованиями и преподаванием разработали далее методику и сделали ее общим достоянием исторического исследования¹.

Последовательная разработка методов критического исследования исторических источников в российской историографии связана с так называемой скептической школой 1810–1830-х годов (М.Т. Каченовский (1775–1842), Н.С. Арцыбашев (1773–1841), С.М. Строев (1815–1840) и др.). «Скептическая школа» отталкивалась от источниковедческих приемов, разработанных А.Л. Шлёцером, и испытывала влияние критического подхода Б.Г. Нибура. Историческая критика воспринималась историками этого направления как особый научный взгляд на историю, который помогает очищать ее от «небылиц», содержащихся в первую очередь в средневековых исторических источниках, а также в работах историков, которые без должной предварительной критики поверили таким сообщениям и наполнили ими тексты своих историй.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока; под ред. В.В. Битнера. 2-е изд. М., 2011. С. 32.

С этих позиций историки критиковали труды своих предшественников, упрекая их в недостаточном критицизме. Во второй половине 1830-х годов Н.И. Надеждин (1804–1856), писал, что нельзя себе представлять, «чтоб и сам Шлёцер в своих изъяснениях и выводах считался непогрешительным. Напротив, многие исследователи, разрабатывая глубже внешние источники нашей истории, открыли в нем разные ошибки, пропуски, недоразумения и поспешили их исправить». Разбирая же труд Н.М. Карамзина, он отмечал:

Карамзин был добросовестен и благороден. Он признавал права критики и решился принести ей «жертву», которую сам называет тягостною, но необходимою, — решился посвятить себя «труду мелочному, в котором скучает ум, вянет воображение». Жертва великая для художника: самому ломать и обсекать материалы своего создания! Так Карамзин сделался критиком. Но если его бессмертное произведение составляет эпоху в нашей исторической литературе, оно не могло подвинуть вперед исторической нашей критики. Сочинитель «Истории Российского Государства» в своей критике был чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях¹.

В России в XIX в. главным образом Археографической комиссией (создана в 1834 г.) осуществлен ряд фундаментальных публикаций исторических источников: «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (т. 1–5. СПб., 1841–1842) и «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею» (т. 1–12. СПб., 1846–1872); начато продолжающееся до настоящего времени издание «Полного собрания русских летописей» (1846).

Развитие практики публикации исторических источников, необходимость обобщения и универсализации накопленного фактического материала вспомогательных исторических дисциплин (в частности, дипломатики), обобщения опыта конкретных источниковедческих разысканий с необходимостью привели к выделению источниковедения в самостоятельную предметную область.

В российской исторической науке термин «источниковедение», заимствованный из немецкой историографии, впервые употребил Арист Аристович Куник (1814–1899) в 1841 г.²

¹ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 95–110.

² См.: Семерицкая О.В. Журнальный «текст-источник» в историографии и наукотворчестве // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. С. 581–584.

1.2

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

1.2.1

Позитивизм в исторической науке: предварительные замечания

Позитивистская парадигма источниковедения, формирующаяся во второй половине XIX в., по-прежнему сохраняет свои позиции в современном источниковедении, явным образом не соответствуя его актуальным потребностям. Приступая к описанию позитивистской парадигмы в источниковедении, мы сталкиваемся со сложностями философско-методологического характера, разрешение которых далеко выходит за дисциплинарные рамки источниковедения. Обозначим лишь суть проблемы: позитивизм как философское направление не принадлежит к классическому типу рациональности, поскольку не предполагает описание так называемой объективной реальности, но историография, которую принято называть позитивистской, не выходит за пределы рациональности классического типа, продолжая видеть в историческом источнике «вместилище» исторических фактов и по преимуществу совершенствуя методы так называемой критики исторических источников с целью установления достоверности их информации. Суть позитивизма в историографии и смысл обращения к историческим источникам емко сформулировал Р.Дж. Коллингвуд:

Позитивизм можно определить как философию, поставившую себя на службу естественной науке, как философия Средних веков была служанкой теологии. Но позитивисты имели собственное представление (и весьма поверхностное) о том, чем является естественная наука. Они считали, что она складывается из двух элементов: во-первых, из установления фактов; во-вторых, из разработки законов. Факты устанавливаются в непосредственном чувственном восприятии. Законы определяются путем обобщения фактов посредством индукции. Под этим воздействием развился первый тип историографии, который может быть назван позитивистским.

С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только возможно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности

исследовании источников. Это была эпоха, обогатившая историю громадными коллекциями тщательно просеянного материала, такого, как календари королевских рескриптов и патентов, своды латинских надписей, новые издания исторических текстов и документов всякого рода <...>. Лучшие историки этого времени <...> стали величайшими знатоками исторической детали. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала¹.

Стоит заметить, что позитивизм в исторической науке обслуживал интересы политической истории, наиболее востребованной в XIX в. (да и в XX в. тоже) в связи с потребностью формирования национально-государственной идентичности. По-видимому, не случайно, что историки XIX в. — авторы ставших классическими трудов по методологии истории — одновременно входят в число заметных исследователей политической истории.

Этот этап развития науки об исторических источниках примечателен тем, что вопросы природы исторического источника, классификации источников, способов их исследования рассматривались в специальных трудах по проблематике методов исторического изучения. Рассмотрим подробнее классические методологические труды позитивистской историографии, принадлежащие разным национальным школам исторической науки. Начнем, естественно, с Германии, поскольку именно немецкие историки, как это было показано выше, стали основоположниками источниковедения. К тому же обращение в первую очередь к источниковедческим рефлексиям И.Г. Дройзена не противоречит хронологическому подходу в рассмотрении истории источниковедения.

1.2.2

Германия. Иоганн Густав Дройзен. Эрнст Бернгейм

И.Г. Дройзен (1808–1884)², с 1836 г. — профессор по кафедре древней истории и классической филологии Берлинского университета, автор концепта «эллинизм» («История эллинизма» в 2 т., 1836–1843). В 1840 г., перейдя в Кильский университет, приступает к последовательной разработке проблематики политической истории (в том числе и в университетских курсах), итогом чего стал 14-томный труд «История политики Пруссии» (1855–1886). Параллельно с этим (с 1857 г.) Дройзен читает лекции «об энциклопедии и методологии истории» — курс «историки» (теории исторического знания), подытоженный в работе «Энциклопедия и методология истории».

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 122–123.

² Подробнее о личности и взглядах И.Г. Дройзена см.: Савельева И.М. Обретение метода // Дройзен И.Г. Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2004. С. 5–23.

Так случилось, что «Энциклопедия и методология истории» была опубликована только в 1936 г. Но, приступая к чтению лекционного курса, И.Г. Дройзен сделал его конспект (тезисы), напечатанный на правах рукописи в 1858 и 1862 г., а затем опубликованный тремя изданиями (1867, 1875, 1881), в которые Дройзен вносил изменения по мере чтения лекционного курса. Именно на него мы и будем ссылаться в описании воззрений Дройзена, поскольку именно в таком варианте (если не принимать во внимание не всегда уловимое воздействие лекций профессора на слушателей) его труд был воспринят современниками и историками следующих нескольких поколений. Построения Дройзена мы рассмотрим подробнее, поскольку именно его концепция оказала (и отчасти продолжает оказывать) существенное воздействие на понимание метода источниковедения.

Задачи истории Дройзен видит так:

«Историка» охватывает *методику* [здесь и далее выделено автором. — М. Р.] исторического *исследования*, систематику всего, что можно исследовать при помощи исторического метода, топику, изложение исторически исследованного¹.

Дройзен не использует понятие «исторический источник», точнее, он применяет понятие «источники» только к одной из групп «исторического материала». Приведем несколько фрагментов «Историки», позволяющих прояснить понимание Дройзенем природы «исторического материала»:

§ 4. Наука история есть результат эмпирического восприятия, опыта и исследования <...>.

§ 5. Всякое эмпирическое исследование регулируется по данностям, на которые оно направлено. И оно может быть направлено только на то, что непосредственно присутствует в настоящем для чувственного восприятия.

Данное исторического исследования есть не прошлые времена, ибо они прошли, а еще непреходящее, оставшееся от них в нашем Теперь и Здесь, пусть это будут воспоминания о том, что было и прошло, или остатки бывшего и прошедшего.

§ 21. Исторический материал есть отчасти то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем (*остатки*), отчасти то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание (*источники*), отчасти вещи, в которых объединены обе формы (*памятники*)².

Дройзен не дает общего определения «исторического материала», а сразу же выделяет несколько групп, таким образом классифицируя его. Далее Дройзен более подробно характеризует каждую из групп и раскрывает их состав:

¹ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 466.

² Там же. С. 460, 468.

§ 22. В массе *остатков* можно различать:

- а) произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т.д., дороги, общинный луг и т.д.);
- б) правовые институты нравственных общностей (нравы и обычаи, законы, государственные, церковные распоряжения и т.д.);
- в) изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода (философемы, литературы, мифологемы и т.д., а также исторические труды как продукт своего времени);
- г) деловые документы (корреспонденция, счета, всевозможные архивные документы и т.д.).

§ 23. Остатки, при создании которых для различных целей (украшения, практического пользования и т.д.) имело место также намерение оставить воспоминания для будущего, являются *памятниками* <...>.

§ 24. Прошлые времена, воспринятые или понятые человеком, а также сформированные им, дошедшие до нас в *источниках* как воспоминания...¹

Мы видим, что «исторический материал» Дройзен понимает предельно широко, не преследуя цель раскрыть его природу (как в гносеологическом, так и в онтологическом плане), но можно заметить, что в любом случае историк связывает его с деятельностью человека. Предложенная Дройзенем классификационная схема весьма сложна, но его последователями она была редуцирована до деления исторических источников на *остатки* — то, что непосредственно возникло в ходе исторического события и дошло до нашего времени, и *предания* — рассказ (в самом широком понимании) о событии. Рецидивы такой классификации встречались в исторической науке до недавнего времени, а возможно, где-то проявляются и по сию пору.

Подготовить «исторический материал» к дальнейшей работе историка — задача критики, в структуру которой входят «критический метод определения подлинности», который позволяет определить «является ли материал действительно тем, чем его считают»; «критический метод определения более раннего или более позднего», позволяющий выявить изменения в историческом материале по отношению к тому, чем он был первоначально; и «критический метод определения верности», который отвечает на вопрос: «был ли и мог ли быть данный материал тем, доказательством чего он считается и хочет считаться, или уже в момент своего возникновения он мог и хотел быть верным только частично, только неким образом, только относительно». Особое внимание Дройзен уделяет способам определения верности источников. «Применение критического метода определения верности к источникам есть *критика источников*», — пишет историк².

¹ Дройзен И.Г. Очерк истории // Дройзен И.Г. Историка... С. 468–469.

² Там же. С. 471–472.

За критикой в историке Дройзена следует интерпретация, но она относится уже к сфере исторического построения, а не изучения исторических источников.

Методология истории стала предметом специального изучения другого немецкого историка Э. Бернгейма (1850–1942), профессора Грайфсвальдского университета (1889) и его ректора (1899–1921). В 1889 г. он публикует «Учебник исторического метода и философии истории», ставший классическим и неоднократно издававшийся, в том числе и в переводе на многие языки¹. В 1907 г. Бернгейм издает «Введение в историческую науку», представляющее собой сокращенный вариант «Учебника исторического метода...»². Воззрения Бернгейма на историческую науку далеки от классического позитивизма: он признает историю самостоятельной наукой, отличной по своей сути и соответственно методам от естественных наук, — но отношение Бернгейма к историческим источникам и методам их изучения не выходит за пределы позитивистских построений.

Учение Бернгейма о методе изучения исторических источников лежит в русле концепции И.Г. Дройзена. Бернгейм так же, как и Дройзен, не дает дефиниции понятия «исторический источник», а определяет источники описательно, акцентируя внимание на зависимости способа изучения источников от специфики той или иной их группы:

Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется «источниками» [здесь и далее разрядка автора. — М. Р.]. Материал этот в огромном большинстве случаев не является, как в других науках, в то же время и непосредственным предметом познания, так как предметом истории являются ведь человеческие деяния, ничтожная часть которых доступна нашему непосредственному наблюдению, а именно в такой мере, поскольку мы переживаем их в качестве современников. Да и здесь только ничтожная часть непосредственно наблюдается отдельным современником, между тем как большую часть мы узнаем из сообщений других.

Отчеты, описания событий посредством устного рассказа, письма или изображения представляют второй вид источников познания. Третьим видом источников служат остатки — памятники событий, по которым мы судим о деяниях, их вызвавших и создавших. Поэтому можно судить, что материалы эти не только весьма различны, но и сведения о нашем предмете мы извлекаем из них также весьма различным способом, т.е. иными словами:

¹ На русском языке был опубликован фрагмент этой работы: *Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи* / Эрнст Бернгейм, проф. истории в Грейфсвальд. ун-те; пер. с нем. прив.-доц. Моск. ун-та А.А. Рождественского. М.: Н.Н. Ключков, 1910. [2], 112 с.

² Русский перевод: *Бернгейм Э. Введение в историческую науку* / проф. д-р Э. Бернгейм; пер. с нем. В.А. Вейнштока; под ред. В.В. Битнера. СПб.: Вестн. знания (В.В. Битнера), 1908. 69, [2]; *Бернгейм Э. Введение в историческую науку* / Бернгейм, проф.; пер. с нем. под ред. проф. С.Е. Сабина. М.: М.Н. Прокопович, 1908. [4], 135 с.

методы, которыми нам приходится разрабатывать источники, соответственно их характеру, весьма разнообразны, и поэтому весьма важно резко различать характер каждого источника¹.

Бернгейм закрепил деление исторических источников на *предания* и *остатки*. Он выделяет *устные* (песня и рассказ, былина (сага), легенда, анекдот, крылатые слова, пословицы) и *письменные* (надписи, генеалогические таблицы, анналы, надгробные надписи, мемуары, периодическая печать, а также картины, рисунки и проч.) *предания*.

Особое внимание Бернгейм уделяет характеристике *остатков*, поскольку, на его взгляд, они менее задействованы в исторических исследованиях:

В отличие от сообщений, которые передают о событиях посредством наблюдений и воспоминаний, остатки представляют часто непосредственные результаты самих событий и дают нам о них сведения, которые не извращены и не изменены теми субъективными влияниями, о которых говорилось по поводу сообщений. Существуют, впрочем, памятники, содержащие описания, как, например, грамоты, акты процессов и т.п. К содержанию их мы должны тогда относиться соответственно характеру сообщаемых сведений; но грамота, акт процесса, сами по себе и в целом, изображают непосредственно правовое положение и ход процесса в том виде, как он существовал <...>.

Нужно указать еще на одно различие между рассказами и памятниками, дающее преимущество первым и в значительной степени обуславливающее, что до последнего времени историки почти исключительно пользовались ими: дело в том, что рассказы сообщают нам непосредственно произошедшее, между тем как памятники, по большей части, так сказать, немые и сведения от них мы получаем отчасти только на основании выводов из событий, которые их произвели и создали².

Остатки Бернгейм делит на «памятники — остатки в широком смысле» и «памятники». Первые «являются невольными пережитками человеческой деятельности, без всяких намерений оставить воспоминание и без всякой мысли о будущем мире»: материальные остатки деятельности людей, язык, обычаи, нравы и учреждения, произведения науки, искусства и ремесла, деловые акты (сюда же отнесены протоколы, дипломатические документы, циркуляры, статистические таблицы, метрические книги и т.д.). Вторые, «созданные в расчете сохранить воспоминание о фактах, если и не для истории, то, во всяком случае, с целью сохранить память по каким-либо специальным расчетам», это монументы и надписи, грамоты, «служащие историческими документами и составленные с соблюдением определенных узаконенных форм» (они составляют предмет вспомогательной исторической дисциплины дипломатики)³.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока; под ред. В.В. Битнера. 2-е изд. М., 2011. С. 34–35.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46–48.

Задачи исторической критики Бернгейм видит аналогично Дройзену:

Обязанностью критики является решать о подлинности имеющихся в нашем распоряжении показаний источников и вытекающих из них данных. Первая задача ее — отсортировать источники и исследовать, можно ли вообще признать их за доказательство и в какой степени, и затем подвергнуть их дальнейшей оценке (внешняя критика). Затем критика должна определить внутреннюю ценность, доказательную силу свидетельств и проверить и сравнить их между собою (внутренняя критика). Она должна, наконец, расположить собранный материал по времени и месту¹.

Отметим, что Бернгейм четко делит критику на *внешнюю* и *внутреннюю*; эта традиция закрепились, и ее отзвуки мы обнаруживаем в историческом знании вплоть до настоящего времени. К тому же, в отличие от Дройзена, ограничивавшего критику подготовительной работой историка с источниками, Бернгейм включает сюда и некоторые вопросы исторического построения. Последовательность источниковедческих процедур Бернгейм выстраивает так: выяснение подлинности, определение времени и места возникновения, установление автора, выяснение степени оригинальности и восстановление первоначального текста (для письменных источников), установление достоверности — определение «действительно бывшего».

В то же время Бернгейм, в отличие от Дройзена, рассматривает интерпретацию как источниковедческую процедуру. Утверждая возможность понимания произведения, созданного в иной культуре, Бернгейм пишет:

Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. Их способы выражения и содержания у различных людей разных времен бесконечно разнообразны, но лежащие в основе физические процессы всегда одни и те же. Стоит только это признать, и отсюда возникает вторая великая задача исследования — интерпретация (истолкование)².

Осмысление необходимости процедуры интерпретации означало выведение исторического метода на новый уровень. Метод работы историков предшествующей эпохи Бернгейм характеризует следующим образом:

Первоисточники оценивали, не объясняя их своеобразными общими условиями источников каждой эпохи. Не умели видеть в других памятниках продукта иной народной культуры и воспользоваться ими для ознакомления с этой культурой³.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку... С. 50.

² Там же. С. 34.

³ Там же.

О процедуре интерпретации Бернгейм пишет так:

Интерпретация, т.е. истолкование показаний источников в смысле более тесной или широкой связи, в которой они стоят, стала <...> только недавно предметом сознательной методологической разработки и нашла применение ко всем областям, а не исключительно литературным произведениям, как в прежнее время. В разъяснении нуждаются и памятники, так как они сами по себе по большей части безгласны и <...> о них можно судить только на основании обстоятельств и обстановки, откуда они ведут начало и для которых служат свидетельством¹.

Мы видим, что акцент на интерпретации в концепции Бернгейма обусловлен отчасти его вниманием к *остаткам*.

Таким образом, в немецкой историографии во второй половине XIX — начале XX в. была разработан метод изучения исторических источников, отдельные составляющие которого (деление источников на остатки и предания, внешняя и внутренняя критика исторических источников и др.) прочно вошли в историческое знание и проявлялись в течение всего XX в.

1.2.3

Англия. Эдвард Фриман

Эдвард Фриман² (1823–1892) — профессор новой истории в Оксфордском университете (1884). Обратим внимание, что кафедру Фриман занял уже в почтенном возрасте, до этого он много лет отдал собственно исследовательской работе, круг его научных интересов весьма обширен: от истории архитектуры до исторической географии Европы, от истории Греции и ранней истории Англии до сравнительной политики. Столь богатый исследовательский опыт был обобщен Фриманом в работе «Методы изучения истории» (1886), представляющей собой лекционный курс³.

Английский историк избегает строгих формулировок, он словно приглашает слушателей к совместным размышлениям. Фриман анализирует специфику исторических свидетельств, обращая внимание на их субъективный характер, обусловленный «человеческим», а не «природным» происхождением:

Геолог может иногда ошибаться в истолковании свидетельства скал; но сами скалы не могут ни лгать, ни лжесвидетельствовать; а историк не только может сам ошибиться с истолкованием свидетельства своих источников, но и сами-то источники могут ошибаться и лжесвидетельствовать⁴.

¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку... С. 59.

² Еще одна принятая русская транслитерация — Эдуард Фримен; англ. **Edward Augustus Freeman**.

³ Русский перевод: Фриман Э. Методы изучения истории / проф. Э. Фриман; пер. с англ. П. Николаева. М.: К.Т. Солдатенков, 1893. 338 с.

⁴ Фриман Э. Методы изучения истории. М., 2010. С. 78.

Анализируя характер исторических свидетельств, Фриман апеллирует к здравому смыслу и жизненному опыту слушателей:

Всем известно, что почти никогда два очевидца не описывают совершенно одинаково какого-либо события, при котором, однако, они оба присутствовали. И действительно, при описании какого-либо события, например сражения, им приходится, в сущности говоря, описывать различные вещи. Им пришлось видеть разные части одного события, потому каждый из них излагает дело по-своему, хотя, собственно говоря, в их показаниях и нет настоящего противоречия. Даже в том случае, когда им пришлось видеть одно и то же, они все-таки могут видеть каждый по-своему. Это неизбежно и зависит от различия точек зрения или от незначительного различия в положении очевидцев. Кроме того, подобное утверждение верно и в другом отношении; смотря по настроению каждого, один из очевидцев обратит внимание на одну сторону дела, а другой на другую, потому-то в их рассказе не будет, может быть, настоящего противоречия, но будет значительное различие в показаниях об отношениях различных частей рассказываемого ими события. Это признается всеми настолько, что незначительные различия в показаниях о событии служат признаком достоверности повествования и, наоборот, полное согласие во всех мелких подробностях считается до некоторой степени подозрительным¹.

Фриман акцентирует внимание на отличии «оригинальных источников» от произведений историков и нацеливает историков на работу именно с источниками при изучении «новой» истории, которую, впрочем, он стремился максимально удреветь. При этом Фриман призывает сочетать изучение оригинальных источников с широким знанием истории, почерпнутым из литературы. Значение изучения оригинальных источников историк видит еще и в том, что оно вырабатывает «привычки мышления», полезные при работе с исторической литературой:

Сущность всякого здравого исторического преподавания состоит в том положении, что историческое исследование, не основанное на оригинальных источниках, не имеет никакой ценности; это не значит, однако, что я признаю правилом, что всякое историческое знание, не основанное прямо на оригинальных источниках, не имеет никакого значения <...>.

<...> для здравых научных принципов гораздо более вредно то заблуждение, будто оригинальных источников совсем нет или будто без них можно обойтись, чем заблуждения человека, для которого оригинальные источники представляются столь привлекательными, что он не решается отказаться от удовольствия изучить их все. Истина находится посередине между этими заблуждениями².

¹ Фриман Э. Методы изучения истории... С. 79.

² Там же. С. 99, 100.

К группе «оригинальных источников» Фриман относит источники повествовательные и определяет их так:

<...> если мы хотим определить, что такое оригинальные источники, мы можем определить их как сочинения таких писателей, проверить указания которых мы можем, обратившись только к указаниям других писателей того же самого разряда; это отличает их от современных историков, утверждения которых могут быть проверены утверждениями писателей другого разряда. Сочинения, которые мы признаем таким образом оригинальными источниками, мы можем разделить на первоначальные источники и на источники второстепенные, на сочинения писателей, утверждения которых не подлежат проверке, и на сочинения таких, утверждения которых когда-то подлежали проверке, но не подлежат ей в настоящее время. Мы, стало быть, должны отличать авторов, писавших на основании своих собственных сведений и являющихся потому оригинальными источниками в строгом смысле этого слова, от авторов, писавших не на основании своих собственных сведений, а бывших только представителями более древних писателей. Такие авторы, не будучи оригинальными источниками сами по себе, служат, однако, таковыми для нас¹.

Неповествовательные исторические источники Фриман называет вспомогательными и делит их на две группы: *монументальные* (орудия труда, архитектурные памятники и т.п.) и *документальные* (различные записи, в том числе и мало отличающиеся от исторических повествований).

В своем лекционном курсе Фриман не только не предлагает строгих определений, но и избегает четкого описания методов работы с историческими источниками. Он скорее делится своим опытом исследователя. Однако обширность этого опыта, разнообразие и тщательность проработки приводимых примеров делают курс Фримана чрезвычайно полезным даже и для современных историков.

1.2.4

Франция. Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос

Позитивистская парадигма в источниковедении наиболее последовательно разработана в труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898), в основу которого положен курс лекций, прочитанный ими в Сорбонне в 1896/97 учебном году². Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) — историк-медиевист, профессор Сорбонны, обладатель диплома Национальной школы хартий, директор Национального архива (1912–1929), член (с 1917 г.), затем президент (с 1925 г.) Академии надписей и изящной словесности. Ш. Сеньо-

¹ Фриман Э. Методы изучения истории... С. 106.

² Русский перевод: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1898. 275 с.

бос (1854–1942) — профессор Сорбонны (1890), начинал исследовательскую деятельность с изучения древней и средневековой истории, в дальнейшем специализировался по новой истории, автор труда «Политическая история современной Европы» (1897).

«Введение в изучение истории» начинается формулой, с течением времени ставшей афоризмом:

История пишется по документам [здесь и далее выделено мной. — М. Р.].
Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <...>. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа, или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал <...>. *Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории*¹.

Из трех книг (частей) «Введения...» проблемам изучения исторических источников посвящены первые две: в книге первой рассматриваются вопросы эвристики (поиска документов), а также дается обзор научных дисциплин, знакомство с которыми должно составлять первоначальную подготовку историка (сюда входят и так называемые вспомогательные исторические дисциплины), книга вторая посвящена аналитическим процессам, т.е. собственно источниковедческой проблематике. Книга третья рассказывает о процессах синтетических, т.е. об историческом построении, выходящем за пределы задач источниковедения.

Размышляя о специфике исторического познания, Ланглуа и Сеньобос пишут:

Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам. Правда, эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их, ему положительно нечего наблюдать: дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь прийти к наиболее правильным выводам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечною целью исследования. Между этой точкою отправления и конечной целью нужно пройти сложный ряд тесно связанных друг с другом умозаключений, рискуя то и дело впасть в ошибку².

Авторы настаивают на «крайней сложности и абсолютной необходимости исторической критики» и совершенно уверены, что историческому методу надо обучать, профессионализм историка необходимо специально выработать:

Естественная неприспособленность человека держаться на воде заставляет его тонуть; чтобы приобрести привычку устранять произвольные

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

² Там же. С. 83.

движения и выполнять другие, он учится плавать; точно так же у человека нет прирожденной способности критики, ее нужно прививать, и она входит в плоть и кровь его только путем постоянных упражнений¹.

Когда анализ и критические вопросы сделаются инстинктивными, приобретется методически аналитическое направление ума, недоверчивое и непочтительное, обозначающееся часто мистическим термином «критический склад ума» и в сущности представляющее собою только бессознательную привычку к критике².

Ланглуа и Сеньобос воспроизводят уже закрепившееся деление исторических источников на остатки и предания. Французские авторы видят большую сложность в изучении последних:

Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование. Первый случай гораздо проще, нежели второй. На самом деле между известными вещественными остатками и породившими их причинами существует определенное отношение, и отношение это, обусловленное физическими законами, хорошо известно. Напротив, психологический след имеет символический характер: это не только не сам факт, но даже не непосредственный отпечаток факта в уме очевидца, а только условное отражение того впечатления, какое произведено событием на ум очевидца. Писанные документы не имеют, следовательно, цены сами по себе, как вещественные остатки старины; они имеют значение только как отражение сложных, трудно разъяснимых психологических процессов. Громадное большинство документов, служащих исходной точкой рассуждений историка, являются в общем только следами психологических процессов³.

Исходя из того, что документ — результат сложных психологических процессов, авторы описывают смысл критики исторического источника лаконично и весьма точно:

...для того, чтобы судить по писаному свидетельству о факте, который является его отдаленной причиной, т.е. чтобы установить отношение, связующее этот документ с фактом, необходимо восстановить целый ряд посредствующих причин, породивших документ, кроме самого факта. Нужно представить себе всю нить действий, совершенных автором документа, начиная с наблюдавшегося им факта до появления рукописи (или печатного свидетельства, имеющегося у нас перед глазами. Нить поступков автора критикуется при этом в обратном порядке, начиная с исследования рукописи

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 87.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 83–84.

(или печатного документа) и постепенно приближаясь к факту прошлого. Такова цель и ход критического анализа¹.

Критику исторических источников Ланглуа и Сеньобос, как и Бернгейм, делят на *внешнюю* (подготовительную) и *внутреннюю* (высшую). К *внешней критике* относятся следующие исследовательские процедуры: «восстановительная критика» — текстологическая работа с целью установить оригинальный текст исторического источника; «критика происхождения» — установление автора, времени и места написания исторического источника, а также источников, которыми пользовались авторы документа, на этом же этапе проверяется его подлинность (с привлечением методов палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин); «критическая классификация источников» с целью упорядочить (систематизировать) уже проверенный материал для последующей работы историка. К *внутренней критике* относятся положительная «критика истолкования (герменевтика)», цель которой — понять автора, что тем более важно, если автор принадлежит к иной исторической эпохе (культуре), и «отрицательная внутренняя критика достоверности и точности», проверяющая достоверность информации исторического источника. Заключительный этап внутренней критики — «извлечение <...> частных исторических фактов для исторического знания»². Таким образом, критика исторических источников завершается конструированием исторических фактов, далее включаемых в историческое построение (синтетические процедуры).

Каждый шаг в критике исторических источников Ланглуа и Сеньобос разбирают подробнейшим образом, приводя множество примеров.

Труд Ланглуа и Сеньобоса наряду с учебником Бернгейма оформил и закрепил на долгие десятилетия как само понятие «критика исторических источников»³, так и ее структуру.

«Введение в изучение истории» Ланглуа и Сеньобоса оказало существенное влияние на историческую науку. Значение этой работы признавали и яростные критики позитивизма в историческом познании. Л. Февр (1878–1956), представитель первого поколения школы «Анналов», стоявший у истоков новой исторической науки, писал:

«Историю изучают при помощи текстов». Знаменитая формула: и по сей день она не утратила всех своих достоинств, а они, без сомнения, неопценимы. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами⁴.

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории... С. 84.

² Там же. С. 182.

³ О соотношении понятий «критика исторических источников» и «источниковедческое исследование» см. ч. I, разд. третий наст. изд.

⁴ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 11.

1.2.5

Россия. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Николай Иванович Кареев

К основоположникам российского источниковедения часто относят К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897). К.Н. Бестужев-Рюмин — профессор Санкт-Петербургского университета (1865–1884), академик Петербургской академии наук (1890), преподавал русскую историю будущему императору Александру III. Известен также как публицист и журналист. Его диссертационное исследование «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) имело источниковедческий характер. Обобщающий труд Бестужева-Рюмина «Русская история» (т. 1–2. СПб., 1872–1885) фактически представляет собой обзор источников и историографии российской истории. Во введении к нему автор систематизировал исторические источники, выделив следующие группы: летописи, жития святых, мемуары и письма, записки иностранцев, «памятники юридические и акты государственные», «памятники словесности», «памятники вещественные». Специальных методологических работ К.Н. Бестужев-Рюмин не оставил, если не считать обзора книги Э. Фримана¹, в котором он выражает свое полное согласие с изложенным в ней «учением о первоисточниках»².

Характеристика исторических и источниковедческих воззрений К.Н. Бестужева-Рюмина, данная Н.Л. Рубинштейном (1897–1963) в фундаментальном труде «Русская историография» (1941), абсолютно созвучна приведенной выше характеристике позитивизма Р.Дж. Коллингвуда, сформулированной примерно в те же годы:

С позитивизмом его [К.Н. Бестужева-Рюмина] связывает и основное требование «объективного» научного знания в его крайней формалистической интерпретации <...>. Объективность знания заключается далее в формальной выверенности конкретного фактического материала. В его представлении задача историка — собирать и проверять основной фактический материал. Его основной большой труд — «Русская история» — является простым сводом выверенных фактических сведений по русской истории <...>.

Этот формально-объективистский взгляд на задачи исторического исследования выливается у Бестужева-Рюмина в *своеобразное источниковедческое направление всего исторического изучения* [здесь и далее выделено мной. — М. Р.]. Осмысление самой истории как исторического процесса подменяется прежде всего вопросами техники исследования, задачами собирания и изучения исторических источников и материалов. Позднейшие воспоминания С.Ф. Платонова, а также письма А.Е. Преснякова свидетельствуют об отри-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Методы исторических занятий // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Февраль. С. 291–319.

² Там же. С. 312.

цательном отношении Бестужева-Рюмина к постановке больших исторических вопросов, о его стремлении в самой педагогической работе *направлять историческое исследование в сторону источниковедческой тематики* <...>. Неслучайно <...> при этом историографическое значение самого Бестужева-Рюмина связано прежде всего с его *источниковедческой работой* <...>. Источниковедческое рассмотрение вопроса получило определяющее значение для всего построения «Русской истории» Бестужева-Рюмина. *Основная задача историка в его понимании и основное значение всей его работы состояло в сведении воедино всего источниковедческого материала* и в подытоживании всей исторической литературы по каждому отдельному вопросу. В его «Русской истории» единственная часть, сохранившая до известной степени свое значение, — это ее «Введение», посвященное источникам русской истории¹.

Специальная разработка источниковедческой проблематики с позитивистских позиций связана с теоретическими трудами Н.И. Кареева (1850–1931). Н.И. Кареев — профессор Варшавского (1879–1884) и Санкт-Петербургского (1885–1899) университетов, член-корреспондент Петербургской академии наук (1910). Интерес к философии и методологии истории был свойственен Н.И. Карееву на протяжении всей его научной жизни. Диссертацию «Основные вопросы философии истории» он защитил в 1883 г.

В 1913 г. Н.И. Кареев публикует свой основной труд по методологии истории «Историка² (Теория исторического знания)»³, в котором уделяет некоторое внимание работе с историческими источниками, а в 1915 г. — работу «Историология (Теория исторического процесса)»⁴.

Как и многие его предшественники, Н.И. Кареев определяет исторические источники описательно, акцентируя внимание на трех моментах: исторические источники — это материальные остатки человеческой деятельности, историк имеет дело по преимуществу с письменными («словесными») источниками⁵ и изучает их не ради них самих (как археолог или филолог), а для познания фактов истории:

Материальными остатками от прежней человеческой жизни являются разные предметы повседневного быта людей на разных ступенях развития, начиная от первобытных времен и кончая более или менее недалеким прошлым. Все, что сохранилось от таких вещей, как жилища, одежда, домашняя

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 471–472.

² Понятие было введено И.Г. Дройзеном (см. выше).

³ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Ч. I: Историка (Теория исторического знания).

⁴ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Ч. II: Историология (Теория исторического процесса).

⁵ Особое значение письменных исторических источников для исторической науки разъясняется далее, см. ч. II, разд. первый наст. изд.

утварь, орудия всякого рода, оружие, храмы и алтари, изображения богов, могилы и надгробные памятники, игрушки и музыкальные инструменты, статуи и картины, монеты и всякие иные знаки вроде пограничных камней, так называемых тессер и т.п., все это и многое другое такого же характера, доступное непосредственному наблюдению и изучению, составляет, вообще говоря, предмета особой научной дисциплины, археологии. Для историка, конечно, важны все подобные материальные остатки, не как самые вещи, подлежащие исследованию, определению, описанию, классифицированию и т.п., а как своего рода немые свидетели прошедших времен, говорящие нам, как протекала человеческая жизнь в таких-то местах и в такие-то времена. Для археолога все эти остатки суть факты, им изучаемые, для историка они — лишь свидетельства о других фактах, именно о формах прежнего, ныне не существующего быта.

Не эти, однако, материальные остатки, свидетельствующие о прошедших фактах, недоступных для непосредственного наблюдения, составляют главный материал, над которым оперируют историки. Сколько бы ни вкладывал человек своей мысли в дело рук своих, все-таки настоящим органом, при помощи которого он проявляет вовне свою мысль, внутреннее содержание своей психики, может быть только его слово <...>. Следы прежней жизни, дошедшее до нас в форме преданий и записей, отличные от материальных остатков, и составляют главный и основной источник исторического знания, источник очень богатый, донельзя разнообразный и особенно ясно говорящий о прошлом <...>.

Вещественные и словесные памятники, изучаемые археологами и филологами, являются, таким образом, для историков не самостоятельными предметами изучения, не фактами самими по себе, а лишь источниками нашего знания о других фактах, поскольку заключают в себе те или другие свидетельства о существовании таковых. <...> главную опору исторического знания являются всякого рода свидетельства, заключающиеся в вещественных или словесных памятниках, т.е. в остатках и следах, которые в том или другом виде дошли до нас от прошлого¹.

Н.И. Кареев, как и Фриман, обращает внимание на необходимость различения исторических источников от произведений историков, исторические источники он, опираясь на опыт европейской историографии, делит на остатки (которые создавались «для удовлетворения житейских нужд») и предания (которые создавались для фиксации памяти), подчеркивая сложность строгого разделения этих двух групп. Н.И. Кареев придает этому делению существенный методологический смысл. Затем он характеризует некоторые наиболее существенные виды исторических источников, выделяя памятники «бытописания»: анналы и летописи, хроники, сказания, мемуары, записки

¹ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. С. 41–43.

путешественников, жития и биографии и др. Уделяет внимание Н.И. Кареев и критике исторических источников, видя ее задачу в установлении достоверных фактов. К внешней критике исторических источников историк относит определение подлинности, критику текста (выявление изменений, вставок и проч.); к внутренней критике — установление достоверности.

Фактически Н.И. Кареев проанализировал и обобщил накопленный в европейской историографии опыт в области теории и метода изучения исторических источников.

В целом для XIX в. было характерно расширение источниковой основы исторических исследований, введение в научный оборот большого количества исторических источников, детальное изучение отдельных памятников в рамках филологической и исторической критики, под которой понимался весь комплекс источниковедческих процедур — от техники атрибуции исторических источников до методов установления достоверности фактов, обзора и систематизации известного корпуса исторических источников.

Английский историк А. Тойнби (1889–1975) описывает свойственный XIX в. дух индустриализма:

Со времен Моммзена и Ранке историки стали тратить бóльшую часть своих усилий на сбор сырого материала — надписей, документов и т.п. — и публикацию их в виде антологий или частных заметок для периодических изданий. При обработке собранных материалов ученые нередко прибегали к разделению труда, в результате появлялись обширные исследования, которые выходили сериями томов <...>. Такие серии — памятники человеческому трудолюбию, «фактографичности» и организационной мощи нашего общества. Они займут свое место наряду с изумительными туннелями, мостами и плотинами, лайнерами, крейсерами и небоскребами, а их создателей будут вспоминать в ряду известных инженеров Запада¹.

Таким образом, в течение XIX в. в рамках классической модели науки источниковедение оформилось в качестве неотъемлемой составляющей исторического метода, его задача — помогать историку в вовлечении в историческое исследование добротного исторического материала.

¹ Тойнби А. Постигание истории: пер. с англ. М., 1991. С. 15.